

ГЛАВА 10. Леприкон и Пифия

Форт Красная Горка.

Сегодня был на редкость прекрасный день, а главное, чрезвычайно доходный. Его уже застрелили, и вся власть перешла к вечеру.

«Странно, я за сегодня еще никого не убил, непривычно как-то, надеюсь, еврейский бог зачтет мне это благоденствие. Никакой тебе колготни, никаких допросов, пыток, криков», — сам с собой говорил человек, а может, и не человек вовсе.

— Хорошо-то как получилась, как выгодно, Двадцать восьмой завод, Двадцать восьмой завод, лохи вы, а не Двадцать восьмой завод, я один вас всех сделал! — ехидно в кулачок захихикал Урфин Джус, небольшого роста и непонятного возраста мужчина.

По правде сказать, тех, кто больше трех лет протянул в Стиксе, можно было обозвать так же. А вот внешность главы стаба была вполне достойной Кунсткамеры Санкт-Петербурга. Некоторые же и вовсе считали Урфин Джуса квазом, пережравшим жемчуга, но это ошибочно. И там и здесь он был расчетливым, хитрым, жестоким маньяком, мстившим всем и всему.

Лошадиное лицо, чрезмерно вытянутое, насупленные кустистые брови, копеечные колющие глазки-угольки, большой горбатый нос с крупной бородавкой и ее многочисленными подругами на землистом пористом лице, тонкие синюшные губы и зубы отвратительной редкости — все эти черты лица не делали Джуса красавчиком. Об ушах и волосах и писать не стоит, они были под стать остальному.

Урфин сидел, развалившись, в огромном кресле, которое называл троном, покуривая кальян, иногда прикладываясь к большому бокалу с превосходным односолодовым виски, улыбаясь и поглядывая по сторонам.

Это место он называл сокровищницей дракона. Здесь и вправду находилось все дорогое этому редкостному упырю. Кабинет был весь зашит в ниши из красного дерева, на которых покоились стеклянные банки с отсеченными, залитыми формалином головами тех неосторожных, кто когда-либо переходил дорогу этому больному на всю голову маньяку. Тут же совсем недавно сделали новые ниши, в них вместо голов пока стояли три таблички: Бедовый, Жрец, Молчун.

В дверь осторожно постучали — никто не смел врывать в личные покои главы стаба без позволения.

— Господин, вы должны видеть это!

— Что там еще? — зло рявкнул хозяин, недовольный тем, что его отвлекли от созерцания сокровищ.

— Господин, с беспилотника засекли ваш тир в Сосновом Бору, там что-то не так.

Сообщающему не дали договорить.

— Что-о-о? — заорал Урфин Джус, подпрыгивая с кресла, и выскочил в арочный коридор, усиленный литым чугуном, как и везде в форте.

В операторскую он добежал за считанные секунды. В ней было шумно, работали несколько

экранов, находились пульта дистанционной работы с беспилотниками. Операторы вскочили, склонившись.

— Всем работать! Кто старший?

— Лейтенант Грач, — представился главный дежурный по беспилотникам.

— Показывай, — рявкнул Урфин Джус.

— Вот, господин, — указал Грач на самый большой экран. — Это тир, обратите внимание, на нем нет привычного стрелкового вооружения, люлька опущена, дверь в нижние этажи открыта, не норма это. И вот еще. Керн, покажи найденные трупы.

Камера сместилась в сторону и приблизилась к двум «Хаммерам» и «Уралу», глава стаба узнал своих людей, увидел разбитые машины. Урфин Джус взвыл, его ограбили, сомнений не было, и он потерял Белоснежку!

— Белоснежка! — истошно заорал мужчина, бешено вращая глазами, изо рта пошла пена. — Найти мне этих ублюдков! Найти! — визжал нечеловеческим голосом он.

Народ из операторской ломанулся с проворством макак, увидевших леопарда. И все же дежурный и несколько операторов остались.

«Надо бы их премировать, с выдержкой у служивых все в порядке, посты не бросили», — подумал упырь, как вдруг один из операторов отчитался:

— Нашли, господин.

— Выводи телеметрию на главный экран, — по-армейски рявкнул Грач.

Глазам предстала несущаяся убийственная крепость из двух людей, огрызающихся огнем из оружия, сея вокруг себя смерть и только смерть, темные твари, как трухлявые горелые колоски, снопами опадали на землю.

— Ближе, покажи лица! — взвизгнул находящийся на пределе Урфин Джус. — Приказ!

Они увидели спайку двух великолепных воинов, тот, что был за спиной гиганта, вдруг засек их беспилотник, выхватил пистолет и выстрелил. Глава стаба даже не успел подумать: «Он что там, совсем псих, из пистолета на два километра стрелять?» — как экран погас.

Оператор дрожащим голосом доложил:

— Господин, наш беспилотник сбит.

— На какой высоте? — прохрипел Урфин Джус.

— Два километра двести, — доложил Грач, вытянувшись в струнку.

— Если бы сам не видел, не поверил бы, — тихо, почти про себя прошептал упырь, губы его подергивались, он утерся белоснежным кружевным платком и тут же взорвался, сорвавшись на фальцет, но сдерживаясь изо всех сил: — Гвардейцев мне, двух лучших гончих и сенса! И мы немедленно едем в Мишень!

Мужчина и сам себя боялся в этих крепостных стенах форта Красная Горка, сорвись он, одну

половину obsługi вынесут вперед ногами, другая благополучно сбежит, вылавливая потом поодиночке в этих то ли лесах, то ли болотах — рассадниках клюквы да черники...

Собрались минут за пятнадцать, взяли три броневика с крупнокалиберными стволами. Урфин Джус надел любимый охотничий зеленый костюм и совсем стал похож на леприкона, у которого украли горшочек с золотом.

Он постоянно подгонял колонну, хотя их скорость и так превышала обычную. Ехали без подстраховки и эшелонированной разведки, впереди лишь один беспилотник маячил.

Как главарь пережил этот час, только он и знает, еще, наверное, водитель и личная охрана. Что только он не делал за это время: орал до срыва голоса, бил рукой о бронированную стенку и ногами бил ее же, еще орал, опять бил, делал себе больно, наконец, рвал на себе волосы. Когда его водитель и охрана дошли до устойчивой белизны в лицах, будто японские гейши, колонна прибыла на место, а подручные Урфин Джуса смогли облегченно выдохнуть.

Над трупом своего любовника упырь бесновался еще примерно с час, засыпая это место страшными проклятиями. Наконец он определился, что сделает с убийцами Белоснежки, и немного пришел в себя:

— Я распылю вас на стенах сокровищницы, годами, десятилетиями вы будете умолять меня, стонать, мучиться и опять молить меня о смерти, как о великой милости. И я клянусь, это будет длиться бесконечно.

Наконец он добрался до самого тира, в своих ищейках Джус не сомневался, они были лучшими, все с нужным для этого даром. Его же личные наблюдения принесли только горести — ограбили знатно, все что-либо ценное пропало, архивные винчестеры тоже, а там такой компромат, не отмоешься.

— Вот же, сука, попал.

Сколько он так сидел в невеселых раздумьях хозяин стаба не знал, совершенно выпал из реальности. Очнулся только тогда, когда вокруг началось шевеление.

На круглый стол, за которым он сидел, выложили трубу, дверь от сейфа и скрученный пистолет.

— Что это? — спросил ничего не понимающий Урфин Джус. — Давайте живо разъяснения и подробности.

— Слушаюсь, господин, — ответил Крыс, лучшая его гончая. — Вот, например, труба.

— И что же в ней такого полезного? — съязвил главарь и холодно ухмыльнулся: — Если только ей не проломить тебе голову.

— Конечно, господин, она и для этого сгодится, вот только кто-то ей нашел еще одно нестандартное применение, он питался ей. И я точно знаю, что это тот, кто выступил против вас, благородный.

— Питался? — ошарашенно спросил Урфин Джус.

— Совершенно точно, господин, и еще, — гончая показал на гладкие срезы дверцы сейфа. —

Обратите внимание, это прочнейшая легированная сталь, и это не резак, это не лазер, это что-то мощнее. Вскрывали даром, каким — я не знаю, в известной классификации подобного нет. И напоследок это, — Крыс подвинул к Урфин Джусу погнутый пистолет. — Самое интересное.

— Здесь-то что необычного? — возмутился глава стаба. — Обычная волына.

— Все, господин. Все здесь необычное. Это «Стечкин», но металл неизвестный, да и металл ли это, непонятно, мы даже поцарапать его не смогли, а кто-то его согнул. Как — тоже непонятно. Скорей всего, это дар преобразования, и опять не входящий в общие каноны. На что еще способен этот иммунный, мы не знаем, но скорее всего, именно он и сбил наш беспилотник. Не слишком ли много для одного, как думаете?

— Почему одного? — задал вопрос уже заинтересованный Урфин Джус. — Их было двое.

— Нет, господин, второго мы опознали, это Глыба, из силовиков он, один из лучших танков в Рамбове, он отличный пулеметчик, но не более того. Этот громила, кстати, был в числе тех рамбовских, которых неназываемые недавно как почикали. Ну, вы знаете, мы тогда еще едва ноги унесли со станции Калище.

— Знаю, знаю, — задумчиво пробубнил Урфин Джус.

Наверху зашумели.

«Похоже, вернулся поисковый отряд», — предположил главарь и оказался прав. К столу подошла его вторая гончая по кличке Компас:

— Господин, не успели мы, они ушли на катере в направлении северного берега Финского залива, мы предполагаем, преследуемые знают проходы меж темных вод, так бы уверенно не уходили от берега, — предвосхищая вопрос хозяина, Компас дополнил: — Вся ближайшая прибрежная полоса сенсом проверена досконально, живых иммунных нет.

Видел бы сейчас этот Компас смывающих в темноте с себя глину Глыбу и Змея и пустой катер с закрепленным рулем, плывущий в никуда, кадык бы проглотил.

— Все, отдыхаем, выставить посты. Утро вечера мудренее, — устало сказал Урфин Джус. — Завтра поутру едем в Рамбов, мне надо к Пифии.

И сказал он это так, как будто собирался к садисту-стоматологу, а не к известной прорицательнице. В этом отчасти можно было его понять, Пифию знали все и побаивались заслуженно, в Стикс она попала в четырнадцать лет, а сейчас ей двадцать пять, и она одна из немногих, кто протянул здесь столько. До того, как стать известной прорицательницей, она была не менее известным ассасином. Поговаривают, что и сейчас она нет-нет да берется за выполнение сложных заказов в дальних стабах.

Пятиметровая крепостная стена стаба Рамбов шла от самой кромки Финского залива, прямо по внешней стороне КАД. Нижнюю дорогу перекрывали массивные дубовые ворота, обитые листовым железом.

Их технику знали, поэтому открыли ворота, тут же к первой машине подошел дежурный, представился и предложил открыть все двери. Набежавшие автоматчики в полной боевой экипировке оглядели все и послали знак дежурному — все в норме. Тогда дежурный офицер занудно отчеканил положенную памятку, смотря на Урфин Джуса:

— Вы въезжаете в зону ответственности стаба Рамбов. Теперь на вас распространяются законы стаба Рамбов. Будьте осторожны и осмотрительны. Стрелять запрещается. Грабить, насиловать, похищать, удерживать, наносить увечья запрещается. Дуэли разрешены только в присутствии секундантов от стаба Рамбов и по кодексу стаба Рамбов. Секундантами могут стать любые полицейские или охотники за головами, проживающие на данной территории. Нарушивший сей кодекс будет преследоваться по всей строгости законов Ораниенбаума. Проезжайте, господа.

— Как-то меня напрягает это ихнее Рамбов, Рамбов, Рамбов, и все запрещается, ублюдочные крючкотворцы, — сплюнул, поморщившись, Урфин Джус.

До месторасположения Пифии они добрались быстро, переехали шлагбаум у городского вокзала и въехали в рыбный порт, повернули направо, проехали по набережной Сидоровского канала, рядом со старым Морским вокзалом, и уперлись в высоченную крепостную стену, от воды до воды перегораживающую мыс. По краям ее расположились две стрелковые башни. За этой стеной и жила известная предсказательница. Пифии принадлежал целый мыс, зашитый в бетон, со своими причалами и небольшим маяком.

Глава Лебяжьего вышел из машины. Поднял руку и заорал что есть мочи:

— Я, Урфин Джус, прошу Пифию принять меня.

— Ждите, — оглушил громкоговоритель. Через несколько минут он снова ожил. — Урфин Джус, следуйте к катерной стоянке, госпожа примет вас.

Упырь пошел налево. Вдоль стены, не доходя метров пяти до катерного причала, все было зарешечено. Щелкнул электрозамок, мужчина толкнул дверь и двинулся на причал, за спиной тут же закрылась решетка.

Катер его уже ждал, матросы помогли переступить, подняться по трапу. На плавсредстве они обогнули мыс. Один из находящихся на катере связался с кем-то, раздался звуковой сигнал, заработали механизмы, и часть крепостной стены медленно ушла под воду, на причале у шикарного дома Пифии на двух бакенах загорелся зеленый, и они тихим ходом причалили. Раздался предупреждающий сигнал, и массивная плита двухметровой толщины стала подниматься из воды, закрывая проход.

Урфин Джуса пригласили на второй этаж. Там было уютно: дерево, камень, камин, панорамная стеклянная стена, на полу персидские ковры. Мужчина засмотрелся на серые воды Финского залива. Рядом на столике стоял хороший виски и небольшой заваренный чайничек, но он ни к чему не притронулся.

Вошла Пифия, у него, несмотря нетрадиционные предпочтения, при появлении этой женщины всегда обрубало дыхание и увеличивалось слюноотделение, но вот реальная возможность всплыть где-нибудь в районе Пьяного маяка срабатывала получше любой антивиагры. Молния тоже красива, вот только кому захочется ее обнимать.

Тело Пифии облегалo вечернее бордовое полупрозрачное платье, эту молодую женщину даже человек с самым извращенными вкусами не назвал бы красивой, она была неприлично прекрасна. Высокая, с огромными томными голубыми глазами, пышными смолянистыми волосами, чувственными алыми губами и фигурой греческой богини. Нет, это не женщина, это бомба с ядерной изюминкой.

— Здравствуй, хозяин Лебяжьего, что на этот раз привело тебя ко мне?

— Хочу имя человека, сделавшего вот это, — Урфин Джус выложил на стеклянный столик тот свернутый пистолет из непонятного материала.

Пифия, улыбаясь, нагнулась, чтоб дотронуться до предмета, отчего мужчина едва не задохнулся, пришлось закрыть глаза.

«Вот же ведьма».

Когда же он поднял веки, перед ним предстала бледная испуганная женщина, вмиг ставшая жалкой и маленькой. Она сжалась, забравшись с ногами на кресло.

— Его зовут Змей, — она протянула к пришедшему руки. — Видишь, в моих ладонях пустота, мне больше нечем тебя кормить.

— Где он? — задал вопрос с нажимом проситель.

— Я хочу жить, Урфин Джус, мне нравится это, он придет, он спросит, что я ему отвечу? И так многое сказано. Уже жалею.

— Ты, Пифия. Ты. Да ты его боишься? — с усмешкой спросил Урфин Джус.

— Да! — громко ответила красавица. — Боюсь и тебе советую. Таким, как мы, его бояться стоит. Мы с тобой, Урфин, просто убийцы, а он — наш Палач. Так что, если он меня о тебе спросит, я не смогу ему отказать, знай об этом. И это все, что я могу для тебя сделать. А теперь уходи, не испытывай моего терпения.

Сразу после ухода гостя Пифия еще долго сидела, завороченно смотря на неприветливые свинцовые волны, неумоимо бьющиеся о причал, на пену, на каскады белых брызг. Потрясающее зрелище, когда сидишь в удобном теплом кресле, смакуя мелкими глотками великолепный «Курвуазье». Что-то в этом разыгравшемся буйстве было общее с мыслями провидицы-ассасина. Ее терзали предчувствия, предчувствия, от которых хотелось съежиться, спрятаться, забраться с головой под тяжелое теплое одеяло и согреться, успокоиться. Предсказательница давно чувствовала, что это когда-нибудь случится, и придет он, тот, кто, возможно, поставит этот их мир с головы на ноги или окончательно зальет все кровью.

Пифии из-за охватившего ее озноба пришлось перебраться поближе к камину, так она и сидела в отблесках живого огня, иногда покусывая губы, будто на что-то решаясь. Бокал с недопитым коньяком полетел в камин, огонь жадно, довольно пыхнул. Женщина встала с кресла — она определилась с выбором. Путь ее лежал сначала к знакомым полицейским, которые были ей должны, а затем, через несколько магазинов, напрямик в похоронное бюро.

В детском приюте стаба Рамбов, который теперь располагался в бывшем дворце офицеров, было, как всегда, шумно, временами даже весело, главное, здесь жили дети. Хотя по правде они просто выживали.

Одна из девчушек, сегодня дежурная в фойе, подбежала, скорей даже вспорхнула по широкой лестнице к директрисе, на ходу зарядив:

— Матушка Тереза! Матушка Тереза! Там такое, там такое!

— Что еще? — спросила дородная матрона, обложившаяся кипами бумаг, решая нерешаемое — как же свести концы с концами, а тут еще всякие похотливые личности отвлекали. Их из

дверей, а они в окна, все путают приют с борделем.

— Там Пифия! Там Пифия! — расширив глаза, доложила еще совсем девочка.

Директриса встала, отточенными движениями поправила прическу, смахнув воображаемую пылинку, и одернула одну воспитанницу.

— Колибри, даже если сама смерть пришла, не подобает так себя вести, запомни, всегда и везде сохраняй выдержку и осанку.

И все же матушка не стала чрезмерно рисковать и заставлять ждать подобную посетительницу или звать ее через посыльную к себе. Спустилась сама. Кто знает, как поведет себя эта опасная особь.

— Матушка, рада вас видеть во здравии, — сказала Пифия, узрев спускающую директрису.

Матушка Тереза едва не оступилась, почувствовав неподдельную искренность в словах пришедшей. Пифия была одета в черный брючный костюм с небольшой брошью из черных и красных бриллиантов в виде пиратской метки.

— И вам долгих лет, Пифия. — Матушка и не знала, что думать, чего ждать. — Что вас привело в нашу обитель?

— Хочу помочь приюту, — ответила гостья и аж просветлела лицом.

Подобное заявление и вовсе выбило матушку Терезу из равновесия.

«Что происходит? Что я упустила или пропустила?» — лихорадочно задавалась вопросами директриса, пока они поднимались к ней.

Пока хозяйка кабинета заваривала свой знаменитый травяной чай, Пифия с интересом рассматривала книжные полки до потолка. За все время, проведенное в Стиксе, она, пожалуй, впервые видела сразу столько раритетных книг в одном месте.

— Коллекционируете? — спросила, проведя по древним переплетам рукой, Пифия.

Директриса уже справилась с собой, колдуя над чайником и сервизом, ответила:

— Все мы коллекционеры здесь, кот-то меньше, кто-то больше, и каждый собирает то, что ему ближе. Кто-то головы, кто-то орудия убийства, я вот источники мудрости.

Пифия присела на предложенное ей кресло, улыбнулась:

— И помогают вам, матушка, эти источники отбиваться от лихих созданий Стикса?

— К сожалению, нет, не скрою, — честно ответила матушка Тереза, наливая в белую фарфоровую чашку янтарный настой.

Предсказательница пригубила его и уважительно склонила голову.

— Очень. Что здесь?

— У всех свои секреты, правда же, Пифия?

— Это верно! — рассмеялась красавица и выложила на стол кошель. — Здесь пятьсот споранов, пятьдесят гороха и пять черных жемчужин, это мой дар вашему приюту, матушка. Вам и девочкам надолго хватит.

— Вот это помощь! — не смогла не восхититься директриса. — Это же целое состояние!

— Ну что вы, матушка. Хотя и за помощью дело не станет, — и провидица блеснула ужасом дантиста — идеальными зубками.

Снизу раздался девичий визг, панические крики и пьяная ругань половозрелых гамадрилов.

— Хорош жаться, бляди рамбовские, все сюда! Строиться! Выбирать буду! — кричал один.

— Давай-давай, живо обслуживать кинулись, хорош из себя целок строить, тогда, может, и в живых останетесь, — вторил ему второй.

Двое и вовсе мочились под хохот прямо в фойе. Еще один пытался содрать одежду с истошно оравшей Колибри. Как их убила Пифия, матушка Тереза не поняла, да и не увидела даже, все так быстро произошло, она и рта не успела открыть, как охальники безжизненными кулями опали. Буквально тут же в фойе приюта вошли, морды кирпичом, два полицейских, за ними протиснулись три невозмутимых гробовщика.

Один из полицейских, по-видимому, старший, поднял руку и что-то там гаркнул, то ли прочищая горло, то ли призывая всех к молчанию, в основном, конечно, Колибри, продолжавшую кричать. К счастью, ему удалось добиться тишины.

— Господа и дамы, произошло убийство, — он покосился на своего напарника, осматривающего поверженных, кивнувшего старшему, мол, все того. Главный продолжил: — Убийство пяти человек, подозревается Пифия. Что-нибудь скажет подозреваемая в свое оправдание?

— Скажет, — заявила предсказательница. — Они все нарушители общественного порядка. Вломились в социально-общественное учреждение, надругались над сотрудниками оногo, пытались изнасиловать воспитанницу, оскорбляли честь и достоинства все присутствующих, в том числе меня, и мочились в общественном месте.

— Внимание, — рявкнул в ответ главный из полицейских, — Пифия с мыса бакенный, с вас снимаются все обвинения. Администрация стаба Рамбов выносит вам благодарность, за поощрением обратитесь к главе стаба. До свидания, дамы и господа, чтите закон.

Стражи правопорядка удалились с теми же застывшими выражениями лиц. Еще быстрее, подобрав весь мусор, исчезли гробовщики. Эти и вовсе ничего не говорили, знаете ли, профессия обязывала.

Провожали Пифию уже всем приютом. Как-то раз, и красивый и опасный дракон стал своим. Матушка Тереза смотрела вслед уходящей женщине и думала:

«Как же все Пифия разыграла, все прямо по секундам, не зря эту девочку побаиваются, ой не зря, ассасин с даром предвиденья — это что-то. Хорошо, когда подобная львица неожиданно-негаданно оказывается на твоей стороне. Что же сдвинуло с мертвой точки этакую фигуру? Наверняка что-то глобальное, но пока мне невидное».